

АРХЕОЛОГИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ: ИСТОРИЯ ОДНОГО ГОДА

УДК 902(093)(47)''1934''

doi 10.17072/2219-3111-2022-2-83-104

Ссылка для цитирования: Орлова Г. А., Балахонская М. Н., Берлов А. А., Зарипова А. А., Лукин М. Ю. 1934-й. К археологии «нашего времени» // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 2(57). С. 83–104.

1934-Й. К АРХЕОЛОГИИ «НАШЕГО ВРЕМЕНИ»¹

Г. А. Орлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
gaorlova@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6942-634X
ResearcherID: I-6857-2016,
Scopus Author: 57200389078

М. Н. Балахонская

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
mnbalakhonskaya@edu.hse.ru

А. А. Берлов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
aaberlov@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0002-6161-3279

А. А. Зарипова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
aazaripovaa@gmail.com

М. Ю. Лукин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 105066, Россия, Москва, ул. Старая Басманная, 21/4
myulukin@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0003-3440-2684

Авторы фиксирует резкую актуализацию настоящего (от рутинного *каждого дня* до монументальной и идеологически проработанной *нашей эпохи*) в дискурсивных средах 1934 г. и посвящают статью археологии *нашего времени*. Анализ устройства, становления и условий, сделавших возможным расширение – преобразующее технологическое распространение и разделяемый опыт – социалистического настоящего в 1934 г., производится с опорой на археологический метод, диспозитив-анализ, антропологию времени и опыт создания историй одного года. Историческое настоящее рассматривается в специфике его событийности, связи времен, паттернов, масштабов, ландшафтов, словарей, модальностей, позиций, искусства навигации и существования во времени. В качестве источников настоящего использованы ежедневные газеты, еженедельные журналы и дневники. Становление диспозитива социалистического настоящего или темпорального ландшафта (*timescape*) *нашего времени* описывается: а) со стороны его производства в дискурсе; б) технологической объективации и инвентаризации в акте измерения; в) выработки этических стандартов действия в настоящем и

превращения настоящего времени в мерило этики. Дискурсивное открытие настоящего в качестве серьезного политического ресурса, сцены для демонстрации достижений социалистического строительства, приоритетной области актуализации советского опыта и идентичности рассматривается на фоне мобилизационной темпоральности пятилеток и смещения от ситуативной к тотальной мобилизации (дисциплине настоящего). Расширение настоящего реализуется через формирование новых отношений с ближайшим прошлым и будущим, увеличение словесной массы слов-индикаторов актуального момента, формирование советской идентичности через темпоральность, процедуры изменения темпорального масштаба и конструирование монументального настоящего. Выделены и описаны три паттерна расширения настоящего. Зафиксирована актуализация интереса к измерению времени и технологическому доступу к настоящему, установлению контроля над ним. Поставлен вопрос о формировании этических стандартов и критериев, позволяющих оценивать действия советских людей в расширенном настоящем. Отмечается особая роль челюскинцев и пропагандистского использования челюскинской эпопеи в расширении и политическом открытии *нашего времени*.

Ключевые слова: археология времени, диспозитив, ландшафт времени, масштаб времени, настоящее, темпорализация, история одного года, паттерны темпоральности, *наше время*.

Введение

13 апреля 1934 г. до завершения двухмесячной челюскинской эпопеи оставались сутки. После недель ожидания летной погоды и серии неудачных попыток летчики вывели на материк 57 обитателей ледового лагеря Шмидта. Советская печать откликнулась на предчувствие счастливой развязки ликованием, а Всеволод Иванов – темпоральным речитативом: «Каждый день возрастает чувство увеличения нашей силы, нашей организованности, нашего мощного и крепкого возраста. Каждый день ускоряет движение человечества к социализму, наполняя нас радостным сознанием подъема силы, преодолением, казалось бы, непреодолимого. Каждый день – каждодневное счастье сознавать себя соотечественником и современником величайшей эпохи и великолепных людей!» (Литературная газета (далее – ЛГ), 1934, № 45). Обстоятельства времени, совсем не героические, выступили движителем социалистических преобразований. Судя по соседней реплике, этому способствовали медиа, диктующие ритм соучастия: «Невольно в газете ищешь каждое утро, прежде всего, телеграмм от челюскинцев. Последние два месяца стены комнаты, работа, улицы неотступно просвечивают ими. Была и тревога, и, пожалуй (где-то в глубине), зависть. Потому что наше время учит тянуться к мужеству, это почти переходит в страсть» (ЛГ, 1934, № 45). Александр Малышкин из «Нового мира» описал динамику челюскинского аффекта и раздвинул границы настоящего, выведя на сцену *наше время* – наставника советского человека. И не он один. В «Литературной газете» в тот год *нашего времени* было втрое больше, чем в 1933 г. Разрастание настоящего и его дискурсивная мобилизация как-то соотносились с арктической эпопеей, но не исчерпывались ею.

Как писать об этом смещении? Обнаруживая порядок *нашего времени* в паттернах и темпоральных клише 1934 г., мы откликаемся на призыв теоретика настоящего Франсуа Артога «сделать для времени то, что когда-то Фуко сделал для речи, – по крайней мере почерпнуть в его работе вдохновение для нашей собственной» [Артог, 2008].

В поисках чужого настоящего

За многообразием презентизма проступает сосредоточенность наших современников на небывалом, кризисном, экспансионистском расширении собственного настоящего, идущем на фоне распада современного режима историчности [Hartog, 2013; Gumbrecht, 2014; Олейников, 2021]. Авторов этого текста интересует историческое настоящее в своеобразии его событийности, связи времен, артикуляций, темпоральных ландшафтов, измерений и искусства навигации. Их не вполне устраивает презентизм Артога, редуцированный к порядкам темпоральности с доминированием настоящего [Лоренц, 2021, с. 33; Hartog, 2003]. Покуда тезис Мишеля де Серто о дисциплинарной невидимости времени, превращенного в таксономический инструмент, но так и не отрефлексируемого историками [Certeau, 1987, р. 89], сохраняет свою актуальность, искать пути исследования чужой темпоральности важно.

Помыслить ход времени, как отмечал антрополог Рой Вагнер, проще, чем осознать его присутствие [Wagner, 1986, р. 84]. Если доступ к чужому прошлому и будущему обеспечивают институты коллективной памяти и планирования, то поиски чужого настоящего часто ведутся

на ощупь. Особенно трудно приходится историку, рассматривающему людей из прошлого как не «вполне компетентных свидетелей своего времени» [Савельева, Полетаев, 2007, с. 388–389]. Хорошим подспорьем здесь становятся инструменты социологии и антропологии времени, предназначенные для описания темпоральности в вариативности ее хронотипов, таймскейпов, технологий, масштабов, карт, модальностей [Карасева, Момзикова, Юшманова, 2019; Ssorin-Chaikov, 2017; Ringel, 2016; Bear, 2016; Fabian, 2014; Adam, 2005; Lemke, 2009; Gell, 2001; Bender, Wellbery, 1991]. Однако интерес к историческому настоящему нужно искать в другом месте – там, где пишут истории одного года.

Истории веков и десятилетий, легко распознаваемых и получающих имена, не редкость². Чего нельзя сказать о годах. Ханс Уильрих Гумбрехт, положивший начало этим экспериментам, привел доводы в пользу того, чтобы писать историю настоящего как историю одного года. Во-первых, средний интервал удобен в обращении, во-вторых, его делает привычным система архивного хранения по годам. Помогая читателю ощутить себя в 1926-м, стэнфордский историк стремится создать эффект присутствия во времени без помощи исторического нарратива [Gumbrecht, 1997].

Михаэль Норт возвращается в 1922-й – «на сцену модернизма» – более традиционным способом, разбирая художественные тексты того года [North, 1999]. А немецкий историк искусства Флориан Иллиес, профессор Свободного университета Даниэль Шёнпflug и шведская журналистка Элисабет Осбринк создают свои истории одновременности, ориентируясь на Гумбрехта. В 1913-м современники-незнакомцы встречаются, по-разному не замечая, что живут накануне краха «старого мира». Эффект присутствия возникает в ходе стремительного погружения в пень дней европейской богемы [Иллиес, 2018]. 1918-й сплетен из жизней «канатоходцев» – людей, опаленных Первой мировой, пересекших Атлантику, балансирующих между мирами и по-разному участвующих в послевоенном обновлении [Шёнпflug, 2019]. Глобальный 1947-й дан через события, поступки и инициативы, в которых рождался следующий моральный, правовой, политический порядок [Осбринк, 2019]. Эти авторы не похожи на Гумбрехта тем, что пишут о годах, попадающих в разломы мировых войн, верны нарративу и создают исторические портреты. Уходя от построения сюжетов и работая с годом без «рубежной» репутации, мы на свой лад движемся в сторону 1926-го.

На (пост)советском материале с историей одного года работало издательство «НЛО», где издавали Гумбрехта и собирали двоянный номер (позднее – двухтомник) о 1990-м в СССР, построенный на дистанцировании от недавнего прошлого, а не на приближении к нему [1990-й..., 2011]. Мария Майофис и Илья Кукулин подготовили тематический блок о 1939-м в СССР, продемонстрировав, что из-за Большого террора современникам было не разглядеть еще один катастрофический рубеж, а их диалектические отношения с историей перевешивали историю настоящего [Майофис, Кукулин, 2015, с. 7–10].

Таймлайны 1934-го

«Рандомный» 1926-й Гумбрехт выбрал, ориентируясь на историю семьи. С 1934-м нас связала экспедиция. Весной 2020 г. группа студентов и преподавателей НИУ ВШЭ ради изучения пропагандистского использования Транссиба в 1930-е планировала проехать стертым следом «поезда цветов», который доставил челюскинцев из Владивостока в Москву в июне 1934 г. Берясь за составление ликбеза-путеводителя по этому году, мы не предполагали, что экспедицию отложат из-за пандемии, а техническая задача превратится в самостоятельное исследование.

Начинали с мониторинга таймлайнов и опорных событий, репрезентирующих год в школьной, публичной, академической историях СССР. В двух дюжинах списков «памятных дат» и «развернутых хронологий» из Интернета советский 1934 г. – это цепочки от 2 до 64 событий. Они делают этот год временем международного признания СССР и редактур административно-территориального деления, образования Еврейской автономной области и НКВД, обмена партбилетов и отмены карточной системы, арктических путешествий и крушения «Осоавиахима», ГЭС за Полярным кругом и метро, «Чапаева» и «Веселых ребят», смерти большевиков и рождения космонавтов. Ядро года составляют события, воспроизводимые в разных перечнях, вне зависимости от их направленности и формата – ностальгических и критических, глобальных и киноведческих, охватывающих 70 лет и одно десятилетие. Это XVII Съезд

ВКП(б), расстрелянный «съезд победителей»; челюскинская эпопея; 1-й Съезд советских писателей; принятие СССР в Лигу Наций; «Киров убит».

В школьные учебники год входит точно – XVII Съездом и убийством Кирова. Трактовка этих событий – лакмус эпохи. На пике сталинизма в Съезде видят торжество генеральной линии (*Шестаков*, 1937, с. 205), на излете – глашатая «исторической победы социализма» (*Панкратова*, 1952, с. 333), в оттепель обходятся без 1934-го (*Берхин, Беленький, Ким*, 1963), в застой – ограничиваются планом 2-й пятилетки (*Берхин, Федосов*, 1982). До войны в убийстве Кирова обвиняют «троцкистско-зиновьевских бандитов» (*Шестаков*, 1937), после разоблачения культа личности – власть, устроившую «расправу с неугодными» (*Берхин, Беленький, Ким*, 1963). По мере того, как величие Съезда меркнет, в учебную литературу проникают другие события – «приглашение» СССР в Лигу Наций; дебют соцреализма на Съезде писателей и «строительство нового советского человека», проиллюстрированное челюскинцами (*Берхин, Федосов*, 1982, с. 346, 355, 365). Упоминание об убийстве Кирова возвращается в постсоветские учебники индикатором ужесточения режима (*Чубарьян, Данилов, Пивовар*, 2011, с. 93).

В исторических медиапроектах 1934-й представлен как недолгое время культурного сталинизма. В «Намедни», по контрасту с катастрофичным 1933-м, – это момент оформления советского канона (*Парфенов*). На «Картах истории» – краткосрочное снижение уровня репрессий и сокращения ГУЛАГа (*Зыгарь*). В проекте «Я помню» (*Драбкин*) – передышка между постепенным отступлением голода и наступлением террора.

Исследователи подчеркивают неоднородность 1934-го [*Кедров*, 2013; *Безбородов* и др., 2014; *Браун*, 2014], идет ли речь о смене «умеренной» экономической политики витком внутрипартийных репрессий [*Хлевнюк*, 2015], «сталинской оттепели» [*Гефтер*, 2015] или «неонэпе» [*Зеленин*, 2006]. С этим годом связывают возвращение патриотизма [*Бранденбергер*, 2017] и утверждение советской идентичности [*Орлова*, 2015].

Ретроспективно год собирается через список и тренд. Перспективно он производится с помощью календаря – устройства для управления ближайшим будущим [*Добренко*, 2002, с. 97]. Определяя советский 1934-й в текущем моменте, периодическая печать ориентировала его относительно исторических вех: 10 лет смерти Ленина, 17 – Октябрю, 11 – Конституции, 5 – соцсоревнованию, второй год – 2-й пятилетке, год – Беломорканал, «Уралмашу», «первому культурному поезду». В своей перформативной темпоральности эти и другие годовщины советизируют, мобилизуют, добавляют символической значимости, позволяют контролировать (стабилизировать, ускорять) процессы, становятся экраном успехов и инструментом конвертации времени в событие. В обилии коротких годовщин проступают интенсификация настоящего, превращающееся в самодостаточную точку отсчета. Шкалы, таймлайны и интервалы позволяют зафиксировать смещение, но не описать его. Здесь нужны другие инструменты.

Темпорализация: между диспозитивом и археологией

Гумбрехт делится незатейливой технологией, позволяющей «подойти максимально близко к действительным событиям и структурам опыта, составляющим реальность 1926-го»: слушать в машине джаз и читать старые репортажи о заплыве через Ламанш. На основе источников, отобранных по хронологии, и событий, привлечших внимание в 1926-м, он воссоздает жизненные миры года, вычерченного «по западной линии», где значимы Лига наций, горные восхождения и аэропланы [*Гумбрехт*, 2005, с. 8, 485].

В критической рецензии на «В 1926-м» Игорь П. Смирнов упрекает автора в эпистемическом расщеплении и лукавстве [*Смирнов*, 2006]. И действительно, настаивая на прямом контакте с прошлым, Гумбрехт работает исключительно с текстами. Трактую свою задачу как сугубо описательную, он организует материал вокруг трех (пост)структуралистских понятий – множеств (при переводе *agaus* стали построениями [*Гумбрехт*, 2005, с. 492]), диспозитивов и кодов (бинарных оппозиций, сталкиваемых в тексте-реакторе до состояния распада). Отказываясь от теоретизирования, он тут же закладывает основы теории настоящего, «в которой мы нуждаемся и которой у нас до сих пор нет» [*Гумбрехт*, 2005, с. 485], с оглядкой на Хайдеггера, Фуко и Делёза.

Историографическую альтернативу сюжетосложению Гумбрехт видит в топологической истории Броделя и своих экспериментах с симультанностью, поставленных на одном годе [*Гумбрехт*, 2005, с. 540]. Главный методологический вопрос этого эксперимента – вопрос о том, как работать с одновременностью? Чтобы обеспечить связность явлений и их конфигура-

ций в нелинейных и неповествовательных мирах 1926-го, Гумбрехт выстраивает многослойную концептуальную архитектуру.

Каркас присутствия в настоящем поддерживают артефакты, роли и виды деятельности. Они собраны в ансамбли одновременности – фукольдианские диспозитивы или же множества («построения») [Гумбрехт, 2005, с. 492]. Предполагается, что «Инженеры» присутствуют в 1926-м как роли, «Грамофоны» – как артефакты, «Убийства» – как практики. На деле разграничения остаются нечеткими. Для организации и удержания этих множеств Гумбрехт надстраивает над диспозитивами дискурсы, по-бартовски названные кодами и выступающие операторами культуры. Коды описаны попарно через бинарные оппозиции (деловитость – неумеренность, действие – бессилие и т.д.), связаны с диспозитивами (на 34 диспозитива – 10 пар кодов), распадаются с образованием гибридов. Помимо артефактов, ролей, практик, множеств, диспозитивов, дискурсов и кодов Гумбрехт привлекает энциклопедию, гипертекст и ризому, чтобы обеспечить связность 1926-го. Не слишком ли много протезов у настоящего?

Двигая в поисках отправной точки, предлагаем вернуться к диспозитиву, использованному Мишелем Фуко для указания на гетерогенные ансамбли дискурсивных и недискурсивных элементов, совместно участвующих в производстве значения [Foucault, 1980, p. 95]. Так, рождение дисциплины обеспечивают архитектурный проект Бентама, распорядок дня и муштра каллиграфии. Развивая теорию диспозитива, аналитик дискурса Зигфрид Ягер описывает сборки дискурсивных практик, недискурсивных действий и материализаций, обеспечивающих возникновение объектов и значений [Jäger, 2002, p. 38]. Собирая 1926-й из хронометров, американцев в Европе и игр аутентичности – искусственности, Гумбрехт действует в этой логике.

«В 1926-м» элементы расположены по алфавиту (скажем, «Кинодворцы» соседствуют с «Искусством голодания» и «Конвейером»). И хотя каждая «энциклопедическая статья» завершается ссылками на близкие разделы, у автора нет ответа на вопрос, как группировать события и артефакты без сюжета или структуры. Он есть в «Археологии знания». Представляя археологический метод, Фуко разъясняет, как, рассеивая, группируя и перегруппировывая дискурсивные события, выстраивая их в ряды на основе стратегического сходства и обнаруживая разрывы, археолог преобразует множества в совокупности и описывает правила их формирования [Фуко, 2004a]. «Рождение тюрьмы» доказывает, что база фукольдианской археологии применима в решении диспозитивных задач. Для Гумбрехта, ищущего несемiotический доступ к настоящему, точкой сборки диспозитива остается современное тело. На что опереться тем, кто собирает диспозитив настоящего из фигур времени и практик обращения с ним?

Рассказывая о ключевых направлениях в антропологии времени, Лора Бир группирует их вокруг аристотелевской триады: *технэ* (τέχνη) или изменения мира через умелые операции с темпоральностью; *эпистемэ* (ἐπιστήμη) или экспертных (институциональных) режимов производства времени как знания; *фронезиса* (φρόνησις) или практических добродетелей, поддерживающих способность к действию в том, кто верно действует в нужное время [Bear, 2016]. Объединяя эти пласты для характеристики темпоральных спецификаций (*timescapes*), Бир получает модель, пригодную для диспозитив-анализа времени. Тем более, что таймскейп Бир обнаруживает стратегическое сходство с диспозитивом Фуко, сконструированным на основе триады *нормативность – знание – субъективность* [Фуко, 2004b, с. 8–9].

Разговор об инструментах, используемых для работы с советским временем, мы завершаем темпорализацией – термином, с помощью которого антрополог Йоханнес Фабиан фиксирует лингвистическое, семиотическое, идеологическое использование языка для выражения темпоральных отношений [Fabian, 2014, p. 74]. Ориентируясь на анализ диспозитива (т.е. не ограничиваясь языковыми аспектами), мы опишем вклад дискурсов, технологий и практик в производство исторического настоящего. Если Бир пишет о таймскейпах позднего капитализма, наши заметки будут посвящены социалистическому настоящему и его расширенной темпорализации в 1934 г.

Техники платформенного чтения

Дискурсивный ландшафт 1934-го мы изучали по еженедельным газетам (электронные архивы «Правды», «Известий», «Гудка» на платформе «East View»; «Вечерней Москвы» в Электронекрасовке) и условным еженедельникам («Литературной газете», журналам «Крокодил» и «Огонек» на «East View»), ответственным за производство, организацию и разметку официального настоящего. Дополнительно использовали дневники, размещенные на платформе «Прожито».

В ходе сплошного и избирательного просмотра архивов были выделены индикаторы темпоральности. Предпочтение отдавали системам отсчета (*time frames* в терминологии Барбары Адам [Adam, 2005]), обеспечивающим сегментацию природного времени [Munn, 1992, p. 102] и придающим ему советскую размерность. Обращали внимание на темп и масштаб темпоральности [Lemke, 2000].

Индикаторы, сгруппированные в четыре тематических блока «Мобилизация», «Отрыв», «Актуализация», «Приближение», использовали для автоматизированного поиска по архиву³. В отличие от Гумбрехта, настаивавшего на изучении феноменов 1926-го в их имманентности, мы ловили своеобразие 1934-го на интервале первых пятилеток с окрестностями (1927–1938 гг.). Поиск осуществляли по каждому индикатору (Ил. 1). Режим просмотра «показать цитаты» позволял совмещать режимы дальнего и пристального чтения.

	Индикаторы	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
Мобилизация													
1	субботник	116	122	238	336	251	195	183	234	183	55	39	29
2	декадник	0	0	0	1	99	102	81	77	13	58	27	34
3	месячник	9	28	72	504	275	121	78	40	9	48	54	37
4	пятидневка	30	330	183	756	496	528	241	457	252	400	247	192
5	непрерывка	0	2	272	253	52	10	6	5	7	4	3	1
6	шестидневка	0	1	9	4	4	13	20	31	29	51	53	76
7	пятилетка	193	189	1500	2814	1733	1539	1348	1478	1055	867	901	641
8	темпы	1631	1412	2002	3086	2436	2030	1245	1663	1444	1185	945	937
9	большевистские темпы	0	0	2	436	439	321	75	43	42	26	20	20
Отрыв													
10	(еще) вчера	2570	2299	1993	1890	1187	1454	1845	2776	3184	3233	2978	2988
11	(совсем) недавно	2265	1734	1607	1790	996	1155	1235	2594	2799	2781	2808	3044
12	в прошлом году	2209	1814	1502	1996	1077	1428	1369	2104	2339	2127	2009	2102
13	в прошлом	4204	3536	2896	3663	2008	2556	2777	4222	4378	4226	4239	4082
14	(в сравнении с) 1913	510	333	200	244	202	276	231	305	372	281	297	357
Присутствие													
15	сейчас	4281	3302	2986	3994	2279	3034	3284	4742	4784	4705	4559	4642
16	теперь	4863	4193	3217	3551	1950	2449	2750	4065	4244	4091	3877	3677
17	сегодня	3392	2701	2465	3018	2014	2143	2262	3530	3816	3790	3603	3415
18	каждый день	345	251	241	354	269	270	288	487	593	595	636	642
19	в наши дни	53	46	53	45	32	30	28	143	76	126	172	155
20	наше время	80	68	61	63	49	29	47	139	82	107	127	126
21	период социализма	0	0	0	31	102	22	5	11	5	5	3	0
22	социалистическая действительность	0	0	1	0	3	1	4	24	14	19	21	7
23	наша эпоха	19	51	75	73	53	73	99	318	259	340	287	228
24	советская эпоха	1	0	0	1	0	0	1	4	10	36	37	35
25	сталинская эпоха	0	0	0	0	0	0	0	3	33	187	264	273
26	эпоха социализма	1	0	1	0	7	2	9	23	20	41	35	11
Приближение													
27	впервые	1549	1290	976	1000	559	824	996	1921	2035	1915	1994	1731
28	день ото дня	13	5	7	7	3	8	7	14	12	15	20	34
29	с каждым днем	253	177	161	335	282	252	219	317	416	516	617	
30	наше завтра	0	0	1	5	0	2	0	9	2	6	3	4
31	завтра	1110	852	739	811	494	568	691	1248	1503	1220	1104	1304
32	ближайшее будущее	248	131	86	96	66	63	67	154	163	166	140	91
33	будущее	2773	2078	1671	2015	937	1119	1179	2364	2451	2401	2069	1964
34	светлое будущее	16	8	12	9	2	4	8	31	31	57	62	32

Ил. 1. Поверхность темпорализации 1927–1938 гг. Число употреблений индикаторов времени.

Выполнив отдельный поиск по отдельным изданиям на основе электронных архивов 1934 г., мы убедились, что для газет число употреблений в целом определяется графиком и объемом⁴. Случаи, не укладывающиеся в издательский паттерн, учтены в анализе⁵. Доля употреблений в журналах была незначительной. Однако в статьях, фельетонах, карикатурах из «Огонька» и «Крокодила» формулы темпорализации, ключевые идеологемы времени и практики существования в нем подвергались острашению, становясь различимыми.

Используя те же индикаторы для поиска по дневникам,⁶ мы фиксировали нечеткие границы между дискурсивными ландшафтами советской, несоветской и антисоветской темпоральности. Обращали внимание на встраивание повседневности в новые временные рамки, ироническую дистанцию до «большевистских темпов» и сопротивление, проступающее в неофициальном использовании «теперь».

Оперируя цифрами и визуализируя их, мы применяли количественные техники исключительно в качестве подспорья в качественной аналитике – для эвристики, быстрой проверки гипотез и навигации. Поскольку алгоритм распознает не все употребления, а числовые данные не прошли очистку от повторов и ошибок, наши выводы в этой части остаются предварительными.

Диспозитив социалистического настоящего мы опишем в четыре этапа. Сначала покажем, как оно производилось в дискурсе. Затем обратимся к техникам его измерения. Коротко охарактеризуем этику существования в нем. И, наконец, вернемся к челюскинскому сюжету, чтобы прояснить его связь с актуализацией *нашего времени*.

Дискурсивный ландшафт настоящего

Он ушел не как прежде,
В образе старого деда,
Не младенец сменяет его,
Как в старинном журнале, –
Комсомолец сменил комсомольца
На фронте победы –
Два литейщика рядом
Стоят у расплавленной стали
Мы не молодость нашу
В двенадцать часов провожаем,
Мы не старость найдем
На пороге нового года –
Мы, как в прошлом году,
Из-под снега шумим урожаем
Михаил Светлов, «1933–1934».

Первый номер «Вечерней Москвы» за 1934 г. начинался со строк, в которых советский поэт отбрасывал старорежимные метафоры хода времени, по-новому репрезентируя смену лет в стране социализма. Снятие возрастных различий было расширением настоящего, дискурсивному устройству которого посвящен этот раздел.

Время мобилизации

Товарищами-комсомольцами, вписанными в государственный план завершения социалистической реконструкции народного хозяйства, эти годы делают Светлов и 2-я пятилетка. Годичный цикл складывается из дискурсивных ритуалов, мобилизующих тружеников на сближение сделанного и запланированного – показателей, призывов, починов, повышенных обязательств, рапортов о досрочном выполнении плана. С пятилетками рифмуются пятидневки: четыре рабочих дня и один выходной задают минимальный цикл труда и отдыха. По пятидневкам, рационально пронумерованным, контролируют выполнение плановых показателей: «И лишь во второй пятидневке карьер начал выполнять план» (Гудок, 1934, № 242)). Ими отмечают студенческую жизнь («Эта пятидневка – самая зачетная» (*Малявина*, 18.02.1934)), измеряют нужду («а Вова уже пятидневку без молока» (*Гудков*, 20.10.1934)) и нетерпение чувств («хоть раз в пятидневку увидеть его!») (*Луговская*, 30.11.1934)). Радикальный эксперимент с социальным временем – скользящую пятидневку-непрерывку, введенную в середине 1929 г. для рационального использования средств производства и борьбы с неделями, полной религиозных пережитков⁷, – еще в 1931 г. раскритиковали за обезличку и отменили. Но 1934-й по инерции живет пятидневками, а в школах они сохраняются до осени 1935 г.

Старорежимными неделями «Правда» исчисляет забастовки в странах капитала и ледовое ожидание челюскинцев, «Крокодил» – тягомотину волокиты, а авторы дневников – повседневные рутины. Переход на всесоюзную шестидневку (пять рабочих дней, один выходной) вносит свой вклад в многослойность 1934-го. Так, получение загранпаспортов Булгаковыми споткнулось о путаницу в днях: «Приходите завтра. – Но завтра 18-е (шестидневка). – Тогда 19-го»

(Булгакова, 18.05.1934). На шестидневный ритм перенастраивают хозяйственную, культурную, частную жизнь: «Раз в шестидневку производится генеральная чистка сельских улиц» (Правда, 1934, № 312), три раза в шестидневку «катают по воздуху ударников московских предприятий» (Известия, 1934, № 135), врачи рекомендуют «взвешиваться каждую шестидневку» (Гудок, 1934, № 216). В сравнении с циклом из пяти дней шестидневка означает снижение градуса мобилизации, но не отказ от нее.

Поскольку работники и инфраструктуры хронически не успевают за плановыми показателями, «массу» время от времени «мобилизуют вокруг месячника», декадника или субботника – островов другой темпоральности, где требуется работать больше, интенсивнее, в выходные, бесплатно, с домохозяевами, переходя на ответственный или отстающий участок.

Мобилизационные гетерохронии социалистической экономики востребованы в первую пятилетку. 1934-й добавляет к ним *месячник* технической учебы, штурма на новостройках, ремонта путевых будок, научной пропаганды, истребления мух; *декадник* облигаций, древонасаждения, правильности начисления зарплаты; *субботник* помощи «Метрострою» и т.д. В сравнении с 1-й пятилеткой число упоминаний мобилизационных гетерохроний в 1934 г. сокращается. Идет ли речь о «месячнике подготовки железных дорог к уборке урожая» или «декаднике чистоты рабочего места», их организаторов критикуют за шумиху и штурмовщину, которыми «нельзя <...> подменять ежедневную борьбу за перестройку, за железную дисциплину, за план» (Известия, 1934, № 104). Декадник, по окончании которого можно отдохнуть, больше не кажется эффективным средством борьбы с хищениями. Не отвергая авральную мобилизации, 1934-й все более настойчиво противопоставляет ей моральную ценность каждодневного усилия – дисциплину настоящего.

Время отрыва

Успехи социализма измеряли по 1913 г. – «предвоенной черте»: после революции не в пользу большевиков, в 1926-м – уже с помощью прогрессивного экономического нарратива: «Мы идем все в гору и в гору, мы восстанавливаем хозяйство, мы его почти вплотную подвели к размерам 1913 г.» (Гудок, 1926, № 258). В 1-ю пятилетку спрос на эти сравнения упал, а в 1934-м – вырос: к XVII Съезду готовили доказательную базу побед социализма.

Однако демонстрация быстрого экономического роста, наблюдаемого «день ото дня», требовала другого масштаба и других систем отсчета: 2-ю пятилетку все более охотно сопоставляли с первой, а 1934 г. – с предшественником, на фоне которого авиаперевозки эффектно выросли в 2,5 раза; а финансирование легкой промышленности – вдвое. Это – близкое прошлое, насыщенное рабочей конкретикой цифр и мест. Оно без антагонизма обеспечивает современное – «товарищеское» – различие недавнего и актуального положения страны, отрасли, предприятия. Но кто сказал, что «комсомолец, сменяющий комсомольца» в год чистки, не будет объявлен вредителем?

Впрочем, темпоральный рисунок антагонизма тоже меняется. Громоздкое дореволюционное прошлое соседствует с эпическим в своей условности *еще вчера*. Политически и риторически востребованным его делает сочетание малой темпоральной формы и большой событийности, обладающее потенциалом обобщения и игры масштабов. Так, *эпическое вчера* обеспечивает рывок в будущее, уже ставшее настоящим новой Москвы («Там – вчера Остоженка была, а сегодня – Пресненский проезд») или Магнитки («Вчера еще многие из них были крестьянами»).

В дневниках идеологическая палитра *эпического вчера* сложнее и разнообразнее. Так, Владимир Голицын, художник, полярник и князь, использует ресурс малой темпоральности для фиксации мутаций советского режима: «Удивительно, до чего времена меняются. Два-три года назад нельзя было и подумать употребить слова “родина”, “отечество”, “отчизна” где-нибудь в печати <...> А теперь закон от 10 июня “Измена родине” и передовая в “Правде”» (Голицын, 04.06.1934). В отличие от житейских обстоятельств недавнего прошлого, где есть место для похода к Римке, покупки фуражки за 28 руб. или бессонницы, *эпическое* приобретает значение в плотном контакте с *сегодня*, присутствие которого оно актуализирует и делает видимым.

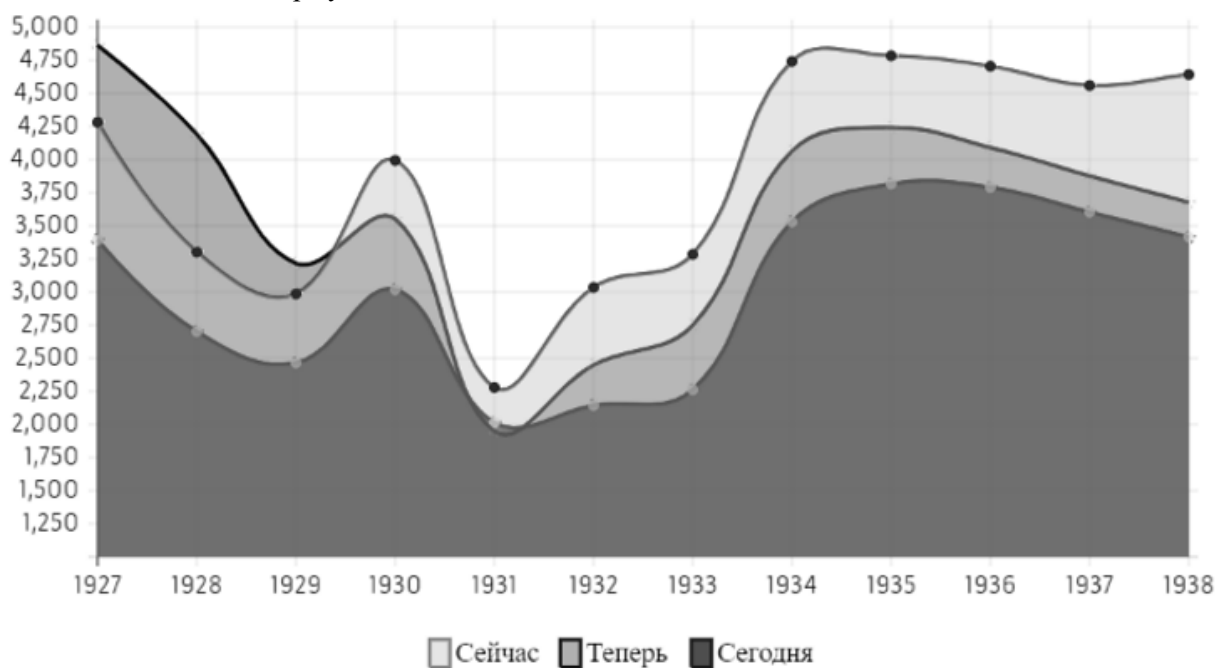
Время присутствия

На дискурсивном фоне первых пятилеток 1934-й выделяется разрастанием настоящего. В неоднородности процесса, которую исследователь, фланирующий по страницам старых газет, ощущает, а алгоритм поиска – фиксирует (см. *Таблицу*), мы обнаружили три паттерна.

Высокое плато текущего момента

На обложке январского «Крокодила» двое в малицах и торбасах беседуют под репродуктором, закрепленным на радиомачте среди атрибутов Крайнего Севера: «Какая сейчас программа?» – «Правительственная! Сейчас передадут, сколько отпущено нашей области на строительство во 2-й пятилетке» (Крокодил, 1934, № 3, с.12). В нехитрой игре с «программами» зашифрован оммаж XVII Съезду, открывающемуся в те дни в Москве: принимается план 2-й пятилетки, а создание единой радиосети становится одной из задач года. Исследователю чужого настоящего интересны детали. Во-первых, сценка разворачивается вокруг радиоточки. А радио в 1930-е было единственным медиа, обеспечивающим коллективный доступ к событиям в реальном времени [Lovell, 2015, p. 63] и, таким образом, участвующим в технологическом расширении настоящего. Во-вторых, в коротком диалоге дважды используется индикатор текущего момента. *Сейчас* в вопросе указывает на реальное время коммуникации, тогда как *сейчас* в ответе поддерживает мягкое масштабирование темпоральности. Время «правительственной программы» можно трактовать широко – как час и день обсуждения, две недели Съезда, как пятилетку в целом. Это *сейчас* раздвигает границы настоящего в ближайшее будущее, где событие вот-вот и наверняка произойдет. Гарантией выступают план или программа.

После спада, начавшегося в 1928 г., употребление индикаторов текущего момента (*сейчас*, *теперь*, *сегодня*) восстанавливается и закрепляется на ближайшие годы (Ил.2). Разные способы употребления (критические и торжественные, бытовые и символические, точечные и расширенные) обеспечивают перформативное производство настоящего, буквально расширяющегося в 1934-м по мере увеличения массы слов.

Ил. 2. Паттерны настоящего: высокое плато текущего момента. По оси X – годы, по оси Y – число употреблений в «Правде», «Известиях», «Гудке», «ЛГ», «Огоньке», «Крокодиле» в 1926–1938 гг.

Верблюды «нашего времени»

Между 1927 и 1938 гг. советская печать чаще всего обращается к *нашему времени* в 1934 г.: в сравнении с 1933 г. его употребление возрастает втрое, а в 1935 г. – сокращается на треть. Причастным советскому настоящему его делают местоимение, ситуативные правила и дискурсивные сети, в которые оно встроено. В этом году *наше время*, до этого определяемое через конкретику «окружения со всех сторон врагами», «нэпа» или «ломки быта», характеризуется все более обобщенно через «советские условия» (Правда, 1934, № 127) и время, «когда наша страна становится социалистической» (ЛГ, 1934, № 34).

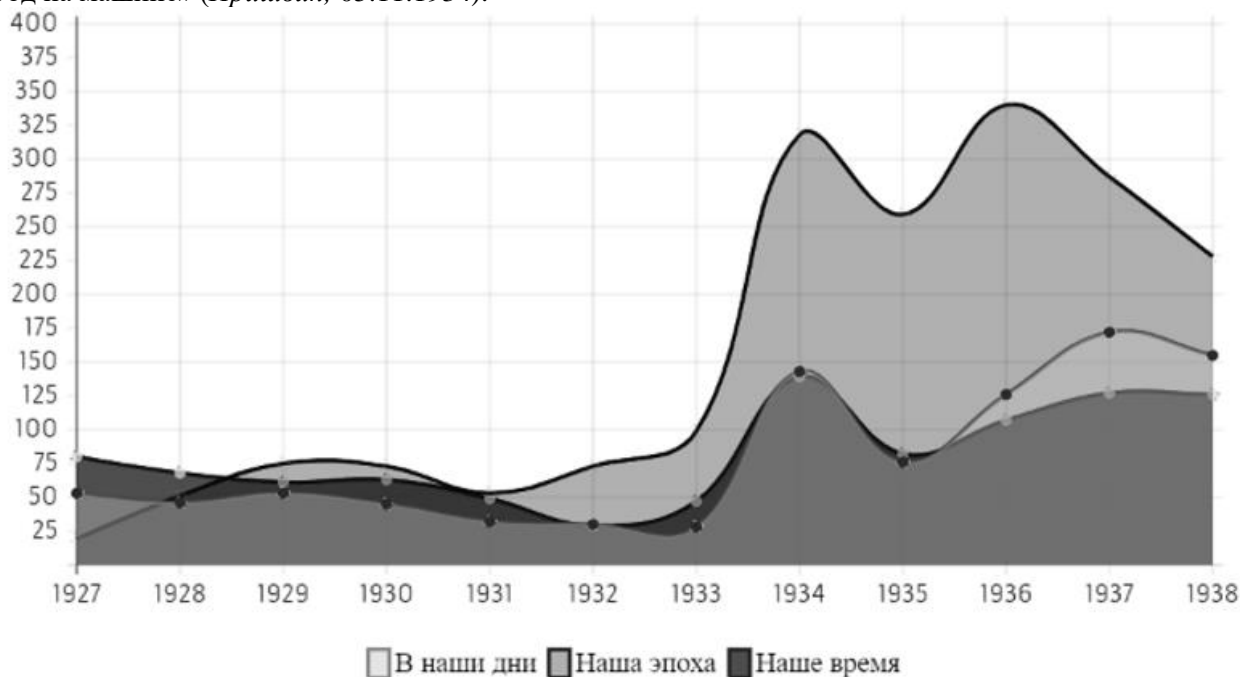
Круг того, что в 1934 г. называют «нашим», очерчен широко: партия, строй, вожди, путь, конституция, страна, будущие инженеры, ледоколы, жизнь, работа, колхозы. Реже – недостатки, некультурность, психология. Не в последнюю очередь благодаря челюскинской эпопее про-

ясняется, кто такие «мы». О советских людях в тот год пишут чаще, чем за все время с 1917 г., нередко – от первого лица. *Наше время* участвует в выработке и поддержании стандарта идентификации, диктуя требования «к каждому коммунисту» (Правда, 1934, № 157) или выдвигая «новый тип настоящего героя» (Гудок, 1934, № 189).

В год 1-го Съезда писателей складывается уникальная ситуация, когда почти половина *нашего времени* приходится на «Литературную газету». Литераторы, озабоченные соцреалистической репрезентацией момента, придают ему форму. Есть и другие резоны. В отличие от репортерского *сегодня в нашем времени* есть та неопределенность, побуждающая к работе воображения и идеологическому обобщению, что необходима для создания типического образа.

Типизации полны пафоса и мечты, локализованной в расширенном настоящем, где разрыв между рутинными и проектом сокращается. Об опыте расширения и соцромантического насыщения настоящего после встречи с кудесником-Мичуриным рассказывает в юбилейном очерке Василий Кудашов: «Вокруг было как-то просторней, легко дышалось, и еще было такое бодрое чувство, что для проникновения ума человека почти все теперь доступно, что в наше время почти совсем исчезает расстояние от великих и безумных фантазий до реальной и будничной жизни. В этот час мне как-то тверже, чем прежде, ощущалась под ногами простая немощная дорога, а Земля, казалось, легко вся обозреваема невооруженным глазом, словно я смотрел на ее со стороны, и почему-то до странности маленькая, как глобус» (ЛГ, 1934, № 126). Через пространственные метафоры друг Шолохова раскрывает гомеопатическую модальность *нашего времени*: для полноты переживания настоящего нужна прививка будущего, для плотного контакта с реальностью – планетарный взгляд, для производства присутствия – фантазм.

На трибуне писательского Съезда полнота переживаний оборачивается «страстной любовью к настоящему», без которой «в наше время нельзя писать книги» (ЛГ., 1934, № 110). На дневники литераторов эта максима, очевидно, не распространяется. В те месяцы Михаил Пришвин описывает сложные отношения с *нашим временем*, а социальное время автора дневника не совпадает с советским настоящим. «Наше прошлое время» (Пришвин, 12.05.1934) или время, которое раньше «казалось, как вечное» (Пришвин, 30.12.1934), противопоставлено «новому времени». В нем многое (например, пионеры (Пришвин, 12.10.1934)) отталкивает писателя. От темпорального чужака («мертвеца») новое время требует приспособливаться («лезть в молодье»). Пришвин решает проблему технически – уезжает «далеко от старого времени», «поездив год на машине» (Пришвин, 05.11.1934).

Ил. 3. Паттерны настоящего: верблюд «нашего времени». По оси X – годы, по оси Y – число упоминаний в «Правде», «Известиях», «Гудке», «ЛГ», «Огоньке», «Крокодиле» в 1926–1938 гг.

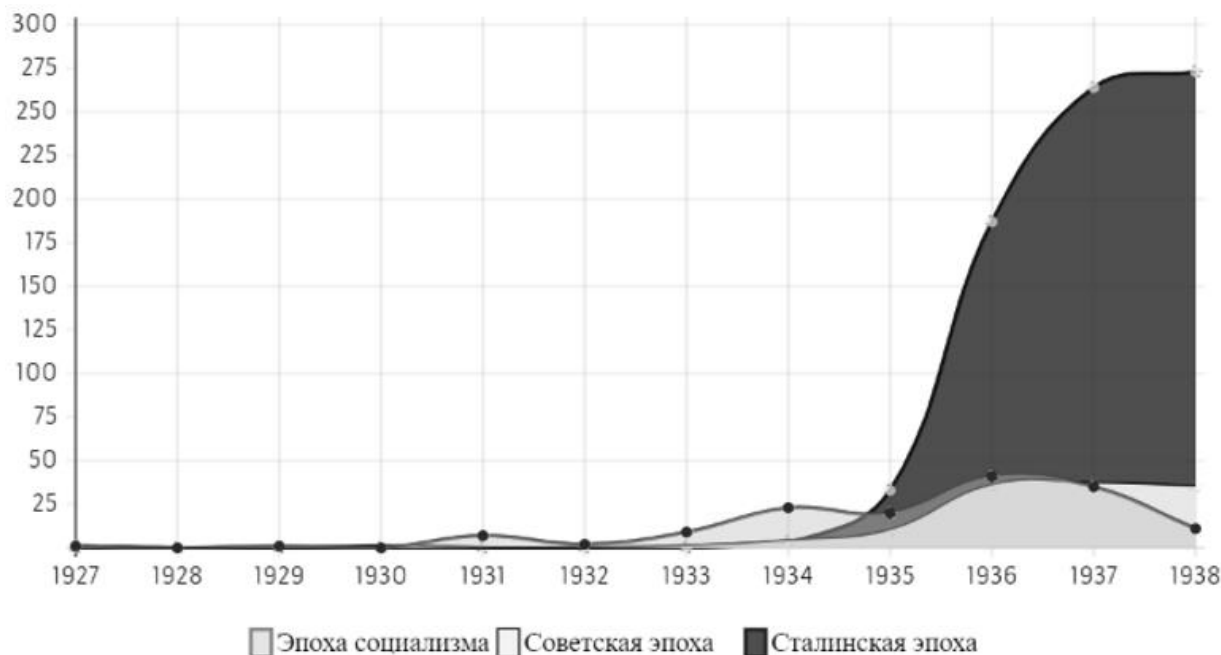
Между 1926 и 1938 гг. еще два индикатора разделяемого настоящего – *(в) наши дни и наша эпоха* – повторяют траекторию *нашего времени*. Их употребление достигает первого пика в 1934-м, а второго – куда более рельефного и выраженного – с торжеством сталинской конституции в 1936–1937 гг. (Ил. 3).

В 1933 г. Федор Гладков указал на эпохальность текущего момента: «Наши годы – это эпохи» (ЛГ, 1933, № 26). В 1934-м монументальным расширением настоящего оперируют многие. Лучших современников называют *людьми нашей эпохи*. Эпоха рождает героев, подбирает таланты, концентрирует «всю энергию человеческого разума» (ЛГ, 1934, № 104). Причастность ей расширяет горизонт существования и усложняет отношения советского человека с «ярким настоящим и великим будущим», ради которых следует жить (Правда, 1934, № 125).

Подыскивая слова для времени, не нарушаемого ни процедурами измерения, ни неточными метафорами хода событий, Рой Вагнер выбирает *эпоху*, чтобы зафиксировать остановку в настоящем, вечную «сейчасность» (*nowness*) [Wagner, 1986, p. 84–86]. Идеологическое открытие *нашей эпохи* в середине 1930-х – это остановка особого рода, полдень социализма. В отличие от вагнеровской эпохи, неотделимой от самой жизни, советское монументальное настоящее от жизни оделено. При ближайшем рассмотрении оно оказывается идеальной формой, которую еще предстоит найти и распознать: «Перед нами два времени – злободневное наше “сегодня” и долговечная эпоха социализма. Надо в злободневном осколке найти изображение целой эпохи <...> Надо прежде всего вникать в суть нашей эпохи и нашей действительности». В роли археолога *нашего времени* предстоит выступить советскому писателю, побуждаемому «глубоко смотреть на свою злободневность» и вскрывать в «наших буднях» – «героику» (ЛГ, 1934, № 116).

Вентиль эпохи

Настоящее не только разрастается, изменяет масштаб и сплавляется с советской идентичностью, но и приобретает свою историческую размерность, что требует номинаций. В 1934 г. на страницах печати ведется их поиск.

Ил. 4. Паттерны настоящего: вентиль эпохи. По оси X – годы, по оси Y – число употреблений в «Правде», «Известиях», «Гудке», «ЛГ», «Огоньке», «Крокодиле» в 1926–1938 гг.

Определение эпического момента через *вступление в период социализма*, данное Сталиным на XVI Съезде ВКП(б), в 1934 г. почти не используется. Тогда как *социалистическую действительность* и *эпоху социализма* в этот год фактически изобретают советские писатели в процессе настройки соцреалистической оптики. Социалистическая действительность выступает в качестве «кипучего источника материала» (ЛГ, 1934, № 169) и мерила политического качества литературного творчества. А в терминах социализма *наша эпоха* определяется содержательно: «Социализм – это уже ежедневная практика, это – культура, это – быт и поведение лю-

дей» (ЛГ, 1934, № 128). Два года спустя концепт распространится далеко за пределы поля литературы. Литературу иного рода – Конституцию – назовут «величайшим документом эпохи социализма» (Правда, 1936, № 334), а метро – одним из ее «чудесных сооружений» (Гудок, 1936, № 110). На публикацию проекта Конституции «Гудок» откликнется передовицей, где отделяет «счастливую эпоху социализма» от индустриализации и коллективизации, а апофеоз советской темпоральности свяжет с вождем.

В 1934 г. эти связи выглядят еще единичными, почти окказиональными. «Монументальным выражением сталинской эпохи индустриализации» назван пуск Краматорского машиностроительного завода им. Сталина (Правда, 1934, № 266). До уровня требований «нового рабочего сталинской эпохи» подтягивают городское коммунальное хозяйство (Известия, 1934, № 241). Темпоральность станет дискурсивным топосом культа личности через полтора года, но этот вентиль открывают в 1934-м (Ил. 4).

Время приближения

В 1933 г. в фельетоне из цикла «Ближайшее будущее» Борис Самсонов рассказал историю успеха гражданина Федюнина, внедрившего в 1936 г. рациональную систему отопления. Автор назвал причины переноса действия в ближайшее будущее: во-первых, этот гражданин еще не родился, а во-вторых, «так интереснее» (Крокодил, 1933, № 11–12, с. 2). В 1935 г. в редакции «Двух пятилеток» – пятитомника, суммирующего настоящее, – деятели культуры собрались на совещание, посвященное социалистической мечте. Академик Бах выступил за замену буржуазных фантазий советскими гипотезами. Режиссер Охлопков признался, что его манит только мечта, осуществимая в ближайшем будущем. Вера Инбер размышляла о трудностях с фантазированием в советскую эпоху: «Не успеешь раз мечтаться, как – готово! осуществлено» (Правда, 1935, № 162). Между дефицитом воплощения и невозможностью ожидания располагается гетерохронная область темпоральной политики 1934 г., где сегодня и завтра соседствуют в расширенном настоящем.

Среди новостей, публикуемых в тот год, встречаются события, которые еще не произошли, но вот-вот произойдут: артисты оперного театра, «присоединившиеся к ворошиловскому культпоходу» (ВМ, 1934, № 4), в ближайшие дни выедут в воинские части, а взлет «металлического дирижабля» ожидается летом 1935 г. Если новости из завтрашнего дня раздвигают границы настоящего за счет грядущего, то сообщения о новшествах – первых любительских телевизорах или первой очереди краснопресненского холодильника емкостью 3500 тонн (ВМ, 1934, № 8) – усиливают одобряемое присутствие будущего в сегодняшнем дне.

Дискурсивные фигуры становления сокращают дистанцию до завтрашнего дня: *день ото дня* жизнь трудящихся масс, уровень Съезда, крылья нашей авиации становятся чудесней, повышаются, крепнут. «С каждым месяцем, можно даже сказать, с каждым днем увеличивается число парашютистов» (Огонек, 1934, № 14, с. 13), растет трудовая дисциплина, увеличивается поток хлеба, все прекраснее становится Москва. В результате «когда-то далекое и туманное будущее... поднимается и расправляет плечи, принимает с каждым годом, с каждым днем все более понятные, осязаемые формы» (Гудок, 1934, № 18).

Присутствие будущего в настоящем распознается не только по словам. Так, в репортаже с парада физкультурников новые вещи смонтированы с юными телами в акте параллельной инвентаризации качества социализма. На весах материализации будущего вещи перевешивают: «С каждым днем все стройнее ряды и тела. Увереннее шаги и лица. Ярче костюмы и щеки. Больше людей и цветов <...> Ибо не только тела становятся все совершеннее у сынов нашей великой родины <...> В нарядных шелковых костюмах, в отличном спортивном инвентаре, во множестве автомобилей и цветов – в этом был все растущий материальный уровень социализма. Так с каждым годом, с каждым днем все ослепительнее сияет нам наше будущее, которое становится настоящим» (ЛГ, 1934, № 94).

Изучив темпоральный ландшафт периодики 1934-го, мы зафиксировали серию смещений, обеспечивших в тот год расширение настоящего – от увеличения словесной массы индикаторов текущего момента до переживания присутствия завтрашнего дня в сегодняшнем. Черты этого таймскейпа можно обнаружить в убийственной характеристике времени жизни при большевиках, оставленной Вальтером Беньямином в 1926 г.: «Основная единица времени – «сейчас». Это значит «тотчас». В зависимости от обстоятельств это слово можно услышать в

ответ десять, двадцать, тридцать раз и часами, днями, неделями ждать обещанного» (Беньямин, 2012, с. 226, 228). То, что немецкому философу представлялось симптомом хтонической и нездоровой советской темпоральности, в 1934 г. было распознано в качестве политического ресурса, масштабировано и переработано из «злободневного сегодня» в «нашу эпоху» по ходу изобретения социалистического настоящего.

«Который теперь час?»

В 1926 г. Беньямин удивляется избытку в Москве часовщиков на фоне отсутствия ценности времени у ее обитателей (Беньямин, 2012, с. 74, 226). В 1934 г. часовщик с его артельным укладом подпадает под подозрение, работу часовых мастерских безуспешно пытаются унифицировать (Правда, 1934, № 322), а часам и их отсутствию отводят заметное место в технологическом расширении и освоении настоящего.

Осенью «Правда» пишет о работниках МТС, больше не желающих «брать время приблизительно по солнышку». Тем, кто трудится «вблизи сложной техники», требуется другая «бытовая минимальная единица исчисления» – минуты. Объехав полдюжины МТС, столичный корреспондент не обнаруживает часов у тех, кто «начинает понимать толк во времени»: «Нет у людей часов ни в кармане, ни на руке. Только на стене нескольких тракторных будок висят деревенские ходики, но и они частенько врут. И уж совсем редко найдется в будках трактористов будильник» (Правда, 1934, № 282).

Компенсируя отсутствие часов у машинистов, начальник Савеловского депо устанавливает на паровозы будильники в защитных футлярах и доказывает, что с ними бригады «более рационально рассчитывают время и экономнее расходуют топливо» (Гудок, 1934, № 269). Тогда как работники рассчитывают использовать измерительные приборы, которых у них пока нет, для борьбы со злоупотреблениями временем, наблюдающимися со стороны смежников. Машинист без часов беззащитен перед произволом дежурного по станции, отмечающего время прибытия поезда. А водитель автоколонны – перед колхозниками, отрицающими факт простоя при погрузке зерна: «Я требую составить акт, а меня все – от весовщика до председателя колхоза – уверяют в том, что машина простояла лишь полчаса. Попробуй докажи, когда ни у меня, ни у кого на току нет часов» (Правда, 1934, № 282). Советский человек без часов из газетного репортажа отличается от Человека с часами из повести Геннадия Гора⁸ полным отсутствием часофикации субъективности: измеряя время, он рассчитывает контролировать социалистического другого, а не изменять себя.

В экономике распределения на отсутствие часов пеняют начальству, неправильно одаривающему ударников: «Премируют патефонами, фотоаппаратами, деньгами сразу по несколько сотен рублей. Бывают случаи, когда один и тот же тракторист или комбайнер получает в премию одновременно два поросенка или два костюма. Но никто не догадается подарить хорошие часы самому отличному трактористу» (Правда, 1934, № 282). Впрочем, у машинистов часы отсутствуют несмотря на то, что железнодорожников премируют наручными часами и за лучшее ведение паровозов по социалистической путевке (Гудок, 1934, № 5), и за ударную работу за Полярным кругом (Гудок, 1934, № 237). Не исключено, что эти ценные подарки делались без отрыва от решения производственных вопросов. По крайней мере от одного передовика-машиниста начальство потребовало вернуть даренные часы, «числящиеся в инвентаре», после перехода ударника на другую работу (Гудок, 1934, № 106).

Колхозники, чье потребление ограничивало государство, получают доступ к часам – атрибуту современной и культурной жизни⁹ – «по хлебозаготовкам». В Восточно-Сибирском крае на эти цели отпущено 3300 карманных часов (вместе с другими культтоварами повышенного спроса – патефонами, велосипедами, радиоаппаратурой, ружьями) (Правда, 1934, № 301).

Премирование поддерживает и производит социальную иерархию: кому-то достаются «карманные часы с гравировкой и гербом СССР» (Правда, 1934, № 259), кому-то – ходики. Весь год «Посылторг» рекламирует в «Огоньке» «стандартные посылки» в качестве «лучшего подарка ударнику». Гендерно маркированный набор № 15 укомплектован гребнем, расческой дамской, ножом и вилкой, зубной щеткой, резинкой подвязочной и часами-ходиками за 7 руб. 40 коп. В том, что ударник Федя Штукатуров приобретает карманные часы за 135 руб., «Литературка» видит рост культурных потребностей Феде (ЛГ, 1934, № 331), а мы – неравенство.

Промышленное производство часов в СССР синхронизировано с началом индустриализации: Первый часовой завод, смонтированный на американском оборудовании под руководством инспециалистов, заработал в 1930 г. В четвертом квартале 1934 г. на нем изготовлено «190.000 будильников, несколько тысяч электрических часов для учреждений и 31.000 карманных никелированных часов на 7 и 15 камнях» (Правда, 1934, № 255). Освоение полного цикла сложного производства – «теперь уже нет ни одного винтика, волоска или пружинки, которые не производились бы нашими часовыми заводами» (Правда, 1934, № 255), – подводит материальную базу под исчисление социалистического настоящего.

Однако в 1934-м советская промышленность еще не умеет выпускать наручные часы, а «неточная механика» и унылый вид продукции остаются мишенью для критики. В «Большой крокодильской энциклопедии», вдохновленной реалиями 1934-го, часами назван «прибор, удерживающий часовую и минутную стрелку от движения по циферблату» (Крокодил, 1934, № 29–30, с. 12). Студент Залесский жалуется на «часы-будильник с ручательством», которые «или безобразно отстают, или останавливаются» (Правда, 1934, № 158). А издевательский «техминимум по будильнику», разработанный в «Крокодиле», подтверждает, что настройка массового доступа к настоящему в тот год оставалась делом новым и непростым.

В 1934 г. в СССР выпущено 750 тыс. уличных часов. В отличие от индивидуальных часов предметом обсуждения здесь становится не столько качество изделий, сколько инфраструктура обслуживания. В январе «Вечерняя Москва» пишет о риске остановки самых больших в СССР часов, установленных на здании НКПС, Доме-паровозе, в 1932 г.: под угрозой расформирования единственная артель, способная поддерживать механизм на ходу (ВМ, 1934, № 6). В ходе рабкоровского рейда, организованного «Политотдельской правдой»¹⁰ на юго-западных участках железной дороги, установлено, что разница во времени, которое показывают уличные и парковые часы в пределах населенного пункта, достигает получаса, что «создает невозможную путаницу в работе. Мастер Довляш из дистанции связи, обязанный проверять часы ежедневно, этого не делает» (Гудок, 1934, № 133).

Ключевая роль железных дорог в синхронизации времени – хрестоматийный эпизод в глобальной истории точного настоящего [Johnston, 2022]. Тогда как в СССР только для того, чтобы выявить разницу в ходе часов, помимо железной дороги, потребовалась двойная инфраструктура мобилизации – политотделы и рабкоры. Фиксируя и обличая рассинхронизацию, они делали видимой гетерохронность советской часофикации, где с передовым, но неточным индустриальным производством соседствуют кустари; с заводскими изделиями – самопальные запчасти; с фиксированными ценами – произвольные рейскуранты часовщиков.

Техно(по)этика темпоральности

В нравоучительном рассказе Владимира Лидина «Точное время», опубликованном в «Огоньке» за 1952 г., старый часовщик наставляет пацаненка, зачаровано разглядывающего мастерскую, на заботу о своем «верном ходе» и, таким образом, выступает настройщиком душ, который превращает технологические операции – балансировку, настройку, синхронизацию – в инструмент практической этики и работы над собой (Огонек, 1952, № 33, с. 27). В 1934 г. настраивать себя по часам, произведенным в СССР, было непросто, а у часовщиков, кажется, не было пастырской власти.

Вопрос об измерении настоящего и качества присутствия в нем без отрыва от практики социалистического строительства ставит Юрий Казарновский в очерке для «Вечерней Москвы». Спускаясь в шахты московского метро, он обнаруживает три фундаментальных несоответствия. Во-первых, дискурс литератора выглядит устаревшим на фоне социалистической стройки и передовой речи метростроевцев. Во-вторых, социальная стратификация и разделение труда под землей отменяются, чтобы объединить усилия многих. В-третьих, у Метростроя другое время.

Стрелка на приборе, который Казарновский предлагает назвать «метроскопом», показывает 100 тыс. часов. Это «часы человеческого энтузиазма» – суммарный трудовой вклад участников субботника. Метроскоп «превращает микроскопичность отдельных часов человеческой работы в общее, в огромное» (ВМ, 1934, № 50), то есть буквально аккумулирует *наше время* и делает его измеряемым. Сверяя часы, автор использует метроскоп в качестве этического камертона, позволяющего владельцу индивидуальных часов определить свою жизненную позицию

через темпоральность и даже квантифицировать ее: «Тогда я опоздал всюду, – беспомощно говорите вы, – опоздал к обеду, опоздал на службу, опоздал быть молодым и много лет назад исключен из профсоюза за неуплату членских взносов. Если ваши часы верны, значит, мои отстают на 4.166 дней, то есть почти на 12 лет. Дома меня ждут старомодные костюмы, постаревшая жена и пожелтевшая рукопись сегодня начатых стихов» (Там же).

Место старого часовщика в этой истории занимает девушка. «Хозяйка часо-барометрового гибрида» в нескольких фразах разъясняет автору социальные азы множественности и обратимости времени, обещает возвращение молодости и 12 лет энтузиазма в обмен на несколько часов общественных работ и, наконец, предлагает сменить сомнительное опоздание на социально одобряемый темп: «Напрасно вы думаете, что вам некуда спешить, вам надо спешить на субботник» (Там же). Дискурсивное производство *нашего времени* неотделимо от утверждения, подтверждения, проверки и (со)настройки способности верно действовать в нем. Язык и гротескный прибор эту настройку обеспечивают.

Техно(по)этические устройства, позволяющие наработать и извлекать мораль, отделяя верные способы существования во времени от неверных, разбросаны по очеркам и карикатурам 1934-го. Так, будущий главред «Крокодила», заканчивает колхозный лубок сценкой, где бабушка беседует с оператором о темпоральной (не)обратимости кино съемки: «–А если назад покрутить? – Назад, бабушка, нельзя. Если крутить ручку назад, в обратную сторону, вся жизнь пойдет назад: помещик вернется в село, кулак прибежит, этой школы, всех этих зданий не будет. – Тогда не надо!» (Крокодил, 1934, №2, с. 2).

Предметом критической и технологической проработки в 1934-м становятся не только темп и направленность, но и своевременность, рациональность, (без)действие во времени, а также разные формы выпадения из него. С помощью карикатуры борются с волокитой и нарушением графиков, изображая почтама в виде долгого ящика, а застой в работе на селе – в виде лошадки, привязанной к патефону. С помощью новой автотехники Пришвин, буквально уезжающий из старого времени, изменяет свои способы существования в настоящем и способы контакта с ним. Выпадение, о котором с досадой пишет в дневнике студентка МИСИ, – это нелепое непопадание в такт учебы и отдыха, поправить которое она намерена технологически – «рационализировав время» (Малявина, 06.01.1934), что бы это ни означало.

Лирический герой Казарновского – тоже из числа выпавших из настоящего и не участвовавших в субботниках, перед лицом девушки с метроскопом «раскаивающихся в ошибках молодости». Однако, если автор – тот самый поэт Юрий Казарновский, что был арестован в 1927 г., отбывал срок на Соловках, строил Беломорканал, в 1934 г. подался в Союз писателей, а в 1937 г. попал в маховик Большого террора, то разговор о возвращении потерянных лет через интенсификацию настоящего (а вместе с ним – темпоральность 1934-го) приобретает другой смысл и моральное измерение.

Демели 1934-го. Вместо заключения

Небольшое эссе Флориана Иллиеса, ставшее послесловием к истории 1913 г., посвящено Рихарду Демелю. Немецкий поэт, властитель дум, пророк и «душа эпохи» не вошел в канон, забылся и потому – не стал героем «Лета целого века». Иллиес не вчитывался в его переписку; не пытался понять, что поэт чувствовал на закате; не реконструировал хореографию его встреч и, тем не менее, зафиксировал важное – особое положение Демеля в одновременности того года: «Повсюду были следы его присутствия, его витальности, его воздействия» [Иллиес, 2019, с. 163]. Иллиес называет Демеля «главной фигурой 1913 г.», но, очевидно, имеет в виду не первенство в символической иерархии. Тогда что? Предположим, Демель обеспечивает связность людей, мест, событий, позиций, артефактов в одновременности одного года таким образом, что рисунок времени и способы установления связности просматриваются, если встать на позицию «главной фигуры» или дать ее насыщенное описание. Неудивительно, что нашими Демелями – операторами темпоральных множеств и проводниками в мирах одновременности – стали челюскинцы, ведь мы искали их след. Однако, чем больше мы всматривались в темпоральный ландшафт года, тем важнее для понимания расширения советского настоящего представлялся их случай и манера его пропагандистского сопровождения.

Во-первых, арктическая эпопея не просто соседствовала с другими ядерными событиями 1934-го, она по-разному соединяла и удерживала их вместе. Челюскинцы приветствовали от-

крытие XVII Съезда с борта парохода и одобряли его решения из ледового лагеря. Шмидт выступал на I-м Съезде писателей. Приглашение в Лигу Наций поступило на фоне благоприятного влияния спасения челюскинцев на репутацию СССР. На убийство Кирова герои-летчики откликнулись некрологом, приписав покойному вождю решающую роль в выработке плана спасения челюскинцев (Правда, 1934, № 331). В ряду событий, через которые раз за разом определяется 1934-й, у челюскинской эпопеи была самая высокая валентность.

Во-вторых, освещая отклики на челюскинскую эпопею, газеты отдавали предпочтение историям, герои которых вступали в актуальные порядки советской темпоральности. Пионеры в летнем лагере не просто играют в «Поход *Челюскина*» по самодельным картам, но раз в шестидневку после подсчета баллов «передвигают самолеты» по игровому полю (Гудок, 1934, № 203). А домработницы, отправляясь на субботник в день снятия последнего челюскинца с льдины, «радостно» заявляют, что на строительстве метро будут работать, «как наши летчики» (Правда, 1934, № 162). В этом смысле челюскинский случай не порождает новых отношений со временем, но вплетаясь в ткань темпоральности, позволяет сделать видимыми актуальные репертуары и предъявить образцы темпоральной социализации.

Наконец, челюскинская история – важный эпизод в изобретении расширенного настоящего. Оспаривая официальный символический статус челюскинцев в своих дневниках и репортажах «Мурки», современники артикулировали необычность этого героизма для советских миров середины 1930-х: странно, что тех, кто потерял пароход, сочли героями, а не вредителями; странно, что образцом для подражания стали те, кто живет в ожидании самолета, не совершая подвигов; странно, что в стране с низкой ценностью человеческой жизни исключительные ресурсы брошены на спасение горстки «обычных людей». Официальный ответ на вопрос о странностях челюскинского героизма лежит на поверхности, но требует поправки на темпоральную специфику момента.

Во время торжественной встречи на столичном Белорусско-Балтийском вокзале начальник Главного управления Гражданского воздушного флота СССР от имени Правительственной комиссии по спасению челюскинцев обратился к Отто Шмидту: «Каждый день, каждый час подстерегала вас смертельная опасность. Однако несмотря на все опасности, несмотря на напряженность обстановки жизнь ваша в построенном вашими же руками первом в мире городке на льду протекала по твердо установленному плану» (Правда, 1934, № 154). Челюскинцы, таким образом, были распознаны в качестве героев и отмечены за то, что в условиях высокой медийной видимости на протяжении двух месяцев демонстрировали способность к активному управляемому совместному существованию в идеальных экстремальных условиях. То, что назовут «большой исторической проверкой советских людей», было масштабным естественным экспериментом на чистом листе льдины. Один из его побочных эффектов – дискурсивное, медийное, практическое, политическое, аксиологическое открытие настоящего, того самого *каждого дня*, в качестве приоритетного темпорального режима, где может и должно происходить преобразование деятеля в советского человека. Отсюда – спрос на детали челюскинской повседневности, истории «полярных Робинзонов» и организация фабрики мемуаров.

В расширенное настоящее – *наше время* – арктическую темпоральность перерабатывали бойцы идеологического фронта, освещавшие эпопею день за днем. Они превращали опыт челюскинцев не только в основание коллективной идентификации, но и в образец для подражания – в том числе образец существования во времени. Здесь пригодился опыт темпорального масштабирования, уже накопленный к тому моменту. Было бы неверно утверждать, что челюскинская история стала единственным источником расширенного настоящего. Однако не вызывает сомнения, что это вокруг нее и часто на ее основе собиралась новая темпоральность, вырабатывались дискурсивные формулы, оттачивались позиции и осваивались социально приемлемые модальности существования во времени. А если так, то, помимо реальности осуществленной мечты, успехов социалистической индустрии, улучшения продовольственной ситуации и ослабления репрессивного импульса сквозь наше время 1934-го, просвечивает аскеза долгосрочной всеобщей мобилизации.

Авторы выражают признательность всем, кто сделал появление этого текста возможным: участникам студенческой экспедиции НИУ «Высшая школа экономики», участникам Научно-учебной группы «Междисциплинарные и экспериментальные формы изучения со-

циального времени в СССР», а также Кириллу Левинсону, Светлане Быковой, Михаилу Рожанскому и многим другим.

Примечания

¹ Публикация подготовлена в ходе исследования № 21-04-073 в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2021 г.

² Имена интервалам – будь это «короткий XX век» [Хобсбаум, 2004], «революционные двадцатые» [Moore, 2015] или «сороковые роковые» (Самойлов) – придумывают историки и поэты, фреймируя и сгущая время.

³ В тех случаях, когда алгоритм не справлялся с поиском индикаторов («еще вчера»), мы использовали более крупные единицы («вчера»).

⁴ В 1927–1938 гг. «Правда» ежедневно выходила на 6 полосах. «Ивестия», – 6 раз в неделю, сначала на 6–8, затем на 4 полосах. «Гудок», 6 раз в неделю, на 4 полосах. «Литературная газета» была самой нестабильной в графике (раз в неделю, в пятидневку, в шестидневку, в 1934-м – через день) растет в объеме с 4 до 6 полос. Она же – единственная из четырех газет в нашем списке, на частоте выхода которой отражился пуск в 1934 г. комбината «Правды».

⁵ По числу упоминаний субботников лидировал «Гудок», а по идеологическому масштабированию настоящего – «Литературная газета».

⁶ На платформе «Прожито» размещено 3107 дневниковых записей, сделанных 94 советскими гражданами в 1934 г. Чтобы создать советскую коллекцию, из поиска исключали дневники иностранцев и эмигрантов. Цитируются по <https://prozhito.org/>.

⁷ Непрерывка взломала недельный ритм и разрушила социальное время советских людей, сделав их темпоральными кочевниками. Трудовые коллективы разбили на пять групп, каждая работала по своему скользящему графику [Youshmanova, 2019].

⁸ В седьмой главе производственной повести Гора, написанной в 1930 г., речь идет о действенной силе новых вещей и их биографиях. Часы превращают обывателя в Человека: «И он уже распределял свое время, и если опаздывал на работу или уходил раньше, то, взглянув на часы, чувствовал угрызения совести: он обокрал коллектив, своих товарищей и себя самого. Часы помогали изменять человека и измерять время» (Гор, 2001, с. 112).

⁹ Часовая мастерская входила в состав агитпоездов, организуемых в 1934 г. «по примеру Оренбурга», наряду с клубом, избой-читальней, кинобудкой, парикмахерской, промтоварным ларьком для ударников (Гудок, 09.06.1934), тем самым, подтверждая и утверждая связь часов с культурностью.

¹⁰ Политотделы – временные структуры усиленного партийного контроля и мобилизации, создаваемые на стратегически важных направлениях. В НКПС – в 1933–1934 гг.

Список источников

Беньямин В. Московский дневник. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.

Берхин И., Федосов И. История СССР: учебник для 9-го класса / под ред. М. Кима. М.: Просвещение, 1982.

Берхин И., Бельский М., Ким М. История СССР, 1917–1962 гг.: учебник для X–XI классов. М.: Учпедгиз, 1963.

Булгакова Е. Дневник, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221934-01-01%22&diaries=%5B18%5D> (дата обращения: 15.12.2021).

Вечерняя Москва [Электронный ресурс]. 1934. № 1, 4, 6, 8, 50. URL: <https://electro.nekrasovka.ru/> (дата обращения: 15.12.2021).

Голицын В. Дневник, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/person/827> (дата обращения: 15.12.2021).

Гудков И. Дневник, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221934-01-01%22&diaries=%5B971%5D> (дата обращения: 15.12.2021).

Гудок [Электронный ресурс]. 1934. № 5, 18, 106, 110, 131, 133, 189, 203, 216, 237, 242, 269; 1926. № 258; 1936. № 110. URL: <https://dlib.eastview.com/> (дата обращения: 15.12.2021).

Гор Г. Корова. М.: Независимая газета, 2001.

Горинов М., Данилов А. История СССР. 10-й класс. М.: Просвещение, 2016.

Зыгарь М. Карта истории [Электронный ресурс]. URL: <https://kartaistorii.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

Известия [Электронный ресурс]. 1934. № 104, 135, 241. URL: <https://dlib.eastview.com/> (дата обращения: 15.12.2021).

- Крокодил [Электронный ресурс]. 1934, № 2, 3, 11, 12, 29, 30. URL: <https://dlib.eastview.com/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Литературная газета [Электронный ресурс]. 1934. № 34, 45, 94, 104, 110, 116, 126, 128, 147, 169. 1933. № 33. URL: <https://dlib.eastview.com/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Луговская Н. Дневник, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221934-01-01%22&diaries=%5B162%5D> (дата обращения: 15.12.2021).
- Малявина Л. Дневник, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221934-01-01%22&diaries=%5B7379%5D> (дата обращения: 15.12.2021).
- Огонек [Электронный ресурс]. 1934. № 14; 1952. № 33. URL: <https://dlib.eastview.com/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Парфенов Л. Намедни. Наша эра. Год 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://namednibook.ru> (дата обращения: 15.12.2021).
- Панкратова А., Базилович К., Бахрушин С., Фохт А. История СССР. Ч. 3. 10-й класс / под ред. А. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1952.
- Правда [Электронный ресурс]. 1934, № 93, 125, 127, 154, 157, 162, 158, 255, 259, 266, 282, 301, 331, 312, 322; 1935. № 162; 1936, № 334. URL: <https://dlib.eastview.com/> (дата обращения: 15.12.2021).
- Пришвин М. Дневник, 1934 [Электронный ресурс]. URL: <https://prozhito.org/notes?date=%221934-01-01%22&diaries=%5B52%5D> (дата обращения: 15.12.2021).
- Чубарьян А., Данилов А., Пивовар Е. История России XX – начало XXI в. 11-й класс / под ред. А. Чубарьяна. М.: Просвещение, 2011.
- Шестаков А. Краткий курс истории СССР для 3–4 классов. М.: Учпедгиз, 1937.
- Драбкин А. «Я помню»: воспоминания ветеранов Великой Отечественной войны [Электронный ресурс]. URL: <https://iremember.ru> (дата обращения: 14.12.2021).

Библиографический список

- 1990-й: опыт изучения недавней истории / под ред. А. Дмитриева [и др.]. М.: НЛЮ, 2011.
- Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // Неприкосновенный запас. 2008. № 3. С. 148–158.
- Безбородов А., Борисов Н., Донцев С., Голотик С. История КПСС. М.: РОССПЭН, 2013.
- Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа. Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР / пер. с англ. А. Пешкова, Е. Володиной. М.: РОССПЭН, 2017.
- Браун А. Взлет и падение коммунизма / пер. с англ. А. Раскин. М.: РОССПЭН, 2014.
- Гефтер М. Опыты политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском. М.: Европа, 2015.
- Гумбрехт Х.У. В 1926 году. На острие времени / пер. с англ. Е. Канищевой. М.: НЛЮ, 2005.
- Добренко Е. Красный день календаря: советский человек между временем и историей // Советское богатство: статьи о культуре, литературе и кино / под ред. Ю. Мурашева, Е. Добренко, М. Балиной. СПб.: Академический проект, 2002. С. 97–124.
- Зеленин И. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930–1939. Политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006.
- Иллиес Ф. 1913. Лето целого века / пер. с нем. С. Ташкентова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
- Иллиес Ф. Рихард Демель. Главная фигура 1913 года в Гамбурге // Иллиес Ф. А только что небо было голубое: тексты об искусстве / пер. с нем. В. Серов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. С. 163–168.
- Карасева А., Момзикова М., Юшманова М. Этнография социального времени. Введение // Этнографическое обозрение. 2019. № 3. С. 5–7.
- Кедров Н. Лапти сталинизма. М.: РОССПЭН, 2013.
- Лоренц К. Вне времени? Критические размышления о презентизме Франсуа Артога // Логос. 2021. № 31(4). С. 31–65.
- Майофис М., Кукулин И. От составителей раздела «1939 год в СССР: самосознание переходной эпохи» // Шаги. 2015. № 1(3). С. 3–10.
- Олейников А. Время истории // Логос. 2021. № 4(31). С. 5–31.

- Орлова Г. Хозяйство полярного письма: медиализация челюскинской робинзонады // НЛЮ. 2016. № 3. С. 207–227.
- Осбринк Э. 1947. Год, в который все началось / пер. со швед. Н. Федоровой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.
- Савельева И., Полетаев А. Теория исторического знания. СПб.: Алетейя, 2008.
- Смирнов И. Ханс Ульрих Гумбрехт. В 1926: на острие времени // Критическая масса. 2006. № 1.
- Фуко М. Археология знания / пер. с фр. А. Серебрянниковой, М. Раковой. СПб.: Университетская книга, 2004а.
- Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности / пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академический проект, 2004б.
- Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя. М.: АСТ: Corpus, 2015.
- Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий XX век, 1914–1991 / пер. с англ. Е. Нарышкиной, А. Никольской. М.: Независимая Газета, 2004.
- Шеннфлуг Д. Время кометы. 1918: мир совершает прорыв / пер. с нем. И. Алексеевой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019.
- Adam B. Timescapes of Modernity: The Environment and Invisible Hazards. Routledge, 2005.
- Bear L. Time as Technique // Annual Reviews of Anthropology. 2016. Vol. 45. P. 487–502.
- Bender J., Wellbery D. (eds.) Chronotypes: The Construction of Time. Stanford UP, 1991.
- Certeau M. Histoire et psychanalyse entre science et fiction. Paris: Gallimard, 1987.
- Fabian J. Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object. Columbia UP, 2014.
- Foucault M. The Confession of the Flesh. In: Foucault M. Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977. N.Y.: Pantheon Books, 1980. P. 194–229.
- Gell A. The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images. L.: Berg, 2001.
- Gumbrecht H.U. Our Broad Present: Time and Contemporary Culture. Columbia UP, 2014.
- Gumbrecht H.U. In 1926: Living on the Edge of Time. Harvard UP, 1997.
- Hartog F. Croire en l'histoire. Flammarion, 2013.
- Hartog F. Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. Universidad Iberoamericana, 2003.
- Jäger S. Discourse and Knowledge. Theoretical and Methodological Aspects of a Critical Discourse and Dispositive Analysis. In R. Wodak & M. Meyer (eds.), Methods of Critical Discourse Analysis. L.: Sage, 2001. P. 32–62.
- Johnston S. The Clocks are Telling Lies: Science, Society, and the Construction of Time. McGill-Queen's UP, 2022.
- Lemke J. Across the Scales of Time: Artifacts, Activities, and Meanings in Ecosocial Systems // Mind, Culture, and Activity. 2000. No. 7(4). P. 273–290.
- Lovell S. Russia in the Microphone Age: A History of Soviet Radio, 1919–1970. Oxford UP, 2015.
- Moore L. Anything Goes: A Biography of the Roaring Twenties. L.: Atlantic Books, 2015.
- Munn N. The Cultural Anthropology of Time // Annual Review of Anthropology. 1992. No. 21(1). P. 93–123.
- North M. Reading 1922: A Return to the Scene of the Modern. N.Y.: Oxford UP, 1999.
- Ringel F. Can Time Be Tricked? A Theoretical Introduction // The Cambridge Journal of Anthropology. 2016. No. 34(1). P. 22–31.
- Ssorin-Chaikov N. Two Lenins: A Brief Anthropology of Time. Hau Books, 2017.
- Wagner R. Symbols That Stand for Themselves. Chicago UP, 1986.
- Yushmanova M. Continuous Work Week: Outcomes of the Deformation of the Social Time Rhythm // Etnograficheskoe Obozrenie. 2019. No. 3. P. 8–26.

Дата поступления рукописи в редакцию 27.12.2021

1934. TOWARDS THE ARCHAEOLOGY OF *OUR TIME*

G. A. Orlova

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia
gaorlova@hse.ru
ORCID: 0000-0001-6942-634X
ResearcherID: I-6857-2016,
Scopus Author: 57200389078

M. N. Balakhonskaya

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia
mnbalakhonskaya@edu.hse.ru

A. A. Berlov

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia
aaberlov@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0002-6161-3279

A. A. Zaripova

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia
aazaripovaa@gmail.com

M. Yu. Lukin

National Research University “Higher School of Economics”, Staraya Basmannaya str., 21/4, 105066, Moscow, Russia
myulukin@edu.hse.ru
ORCID: 0000-0003-3440-2684

The authors record a sharp rise of the present (from the routine of *every day* to the monumental and ideologically elaborated *our era*) in the discursive environments of 1934 and dedicate the article to the archaeology of *our time*. The analysis of the arrangement, becoming and conditions of possibility for extended and shared socialist present in 1934 is based on the archaeological method, dispositive analysis, the anthropology of time, and the experience of introducing one-year histories. The historical present is considered in the specifics of its eventfulness, connections of times, patterns, timescales, timescapes, time frames, modalities, positions, the art of navigation and existence in time. Daily newspapers, weekly magazines and diaries are used as sources of the present. The authors describe the becoming of the socialist present dispositive or timescape of *our time* through: a) its production in discourse; b) its technological objectification and inventory through measurement; c) the development of ethical standards for action in the present and the transformation of the present into an ethical criterion. The discursive opening of the present as a political resource, a stage for demonstrating the achievements of socialist construction, a priority area for updating the Soviet experience and identity are considered against the background of the mobilization temporality of the five-year plans and the shift from situational to total mobilization (discipline of the present). The extension and sharing of the present are realized through the formation of new relationships with the immediate past and future, the increase in the verbal mass of words-indicators of the current moment, the framing of Soviet identity through temporality, procedures for changing the temporal scale and the construction of a monumental present. Three patterns of extended and shared present are described. The actualization of interest in measuring time and technological access to the present, establishing control over it are recorded. The paper problematizes the formation of ethical standards and criteria that makes it possible to evaluate the actions of Soviet people in the extended present. A special role of the propaganda use of the Chelyuskin epic in the extension, sharing and political opening of *our time* is discussed.

Key words: archaeology of time, dispositive, timescape, timescale, present, temporalization, history of one year, patterns of temporality, *our time*.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the program “Scientific Foundation of the National Research University Higher School of Economics” (HSE University) in 2021 (Research № 21-04-073).

References

- Bear, L. (2016), "Time as technique", *Annual reviews of anthropology*, Vol. 45, pp. 487–502.
- Bender, J. & D. Wellbery (1991), *Chronotypes: the construction of time*, Stanford UP, Stanford, USA, 252 p.
- Bezborodov, B., Borisov, N., Dontsev, S. & S. Golotik. (2013), *Istoriya KPSS* [The History of the CPSU], ROSSPEN, Moscow, Russia, 670 p.
- Brandenberger, D. (2017), *Krizis stalinskogo agitpropa. Propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR* [Propaganda state in crisis: Soviet ideology, indoctrination, and terror under Stalin, 1927-1941], ROSSPEN, Moscow, Russia, 365 p.
- Brown, A. (2014), *Vzlet i padenie kommunizma* [The rise and fall of communism], ROSSPEN, Moscow, Russia, 862 p.
- Certeau, M. (1987), *Histoire et psychanalyse entre science et fiction*, Gallimard, Paris, France, 224 p.
- Dmitriev, A., Majofis, M. & I. Kukulin. (2011), *1990-j: Opyt izucheniya nedavney istorii*. [1990: The experience of studying recent history], NLO, Moscow, Russia, 807 p.
- Dobrenko, E. (2002), "The red calendar day: The Soviet man in between the time and the history", in *Sovetskoe bogatstvo: statyi o kul'ture, literature i kino* [Soviet wealth: articles about culture, literature and cinema], Akademicheskij proekt, St. Petersburg, Russia, pp. 97–124.
- Fabian, J. (2014), *Time and the Other: How anthropology makes its object*, Columbia UP, New York, USA, 272 p.
- Foucault, M. (1980), "The confession of the flesh", in Foucault, M., *Power / Knowledge: Selected Interviews and Other Writings, 1972–1977*, Pantheon Books, New York, USA, pp. 194–229.
- Fuko, M. (2004a), *Arheologiya znaniya* [The Archaeology of knowledge], Universitetskaya kniga, St. Petersburg, Russia, 412 p.
- Fuko, M. (2004b), *Ispol'zovanie udovol'stvij. Istoriya seksual'nosti* [The history of sexuality: The Use of Pleasure], Akademicheskij proekt, St. Petersburg, Russia, 432 p.
- Gefter, M. (2015), *Opyty politicheskie, istoricheskie i teologicheskie o revolyutsii i sovetskom mire kak russkom* [Political, historical, and theological essays on the Soviet world as the Russian], «Evropa», Moscow, Russia, 398 p.
- Gell, A. (2001), *The Anthropology of time: Cultural constructions of temporal maps and images*, Berg, London, UK, 354 p.
- Gumbrecht, H. (2014), *Our broad present: Time and contemporary culture*, Columbia UP, New York, USA, 110 p.
- Gumbrecht, H. (2005), *V 1926 godu. Na ostrie vremeni* [In 1926: Living on the edge of time], NLO, Moscow, Russia, 570 p.
- Gumbrecht, H. (1997), *In 1926: Living on the edge of time*. Harvard UP, USA, 505 p.
- Hartog, F. (2013), *Croire en l'histoire*, Flammarion. Paris, France, 312 p.
- Hartog, F. (2008), "The order of time, regimes of historicity", *Neprikosnovenny zapas*, № 3(59), pp. 148–158.
- Hartog, F. (2003), *Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps*, Universidad Iberoamericana, Paris, France, 288 p.
- Hobsbawm, E. (2004), *Epoha kraynostey: Korotkiy dvadtsatyy vek (1914–1991)* [The Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991], Nezavisimaya Gazeta, Moscow, Russia, 632 p.
- Illies, F. (2018), *1913. Leto tselogo veka* [1913. The year before the storm], Ad Marginem Press, Moscow, Russia, 271 p.
- Jäger, S. (2001), "Discourse and knowledge. Theoretical and methodological aspects of a critical discourse and dispositive analysis", in Wodak, R. & M. Meyer (eds.), *Methods of Critical Discourse Analysis*, Sage, London, UK, pp. 32–62.
- Johnston, S. (2022), *The Clocks Are Telling Lies: Science, Society, and the Construction of Time*, McGill-Queen's UP, London, UK, 265 p.
- Karaseva, A., Momzikova, M. & M. Yushmanova. (2019), "The ethnography of the social time", *Etnograficheskoe obozrenie*, № 3, pp. 5–7.
- Kedrov, N. (2013), *Lapti stalinizma* [Bast shoes of the Stalinism], ROSSPEN, Moscow, Russia, 280 p.
- Khlevniuk, O. (2015), *Stalin. Zhizn' odnogo vozhdya* [Stalin: New biography of a dictator], AST, Moscow, Russia, 461 p.
- Lemke, J. (2000), "Across the scales of time: Artifacts, activities, and meanings in ecosocial systems", *Mind, culture, and activity*, № 7(4), pp. 273–290.
- Lorenz, K. (2021), "Outside the time? The critical introduction on the Francois Hartog", *Logos*, № 31(4), pp. 31–65.
- Lovell, S. (2015), *Russia in the microphone age: a history of Soviet radio, 1919-1970*, Oxford UP, London, UK, 272 p.

- Majofis, M. & I. Kukulin (2015), "From the compilers of the section "1939 in the USSR: self-awareness of the transitional era"", *SHAGI/Steps*, № 1(3), pp. 3–10.
- Moore, L. (2010), *Anything goes: A biography of the roaring twenties*, Atlantic Books, London, UK, 400 p.
- Munn, N. (1992), "The cultural anthropology of time", *Annual review of anthropology*, № 21(1), pp. 93–123.
- North, M. (1999), *Reading 1922: A return to the scene of the modern*, Oxford UP, New York, USA, 276 p.
- Oleynikov, A. (2021), "The time of history", *Logos*, № 4(31), pp. 5–31.
- Orlova, G. (2016), "The economy of the Polar writing", *NLO*, № 3, pp. 207–227.
- Osbrink, E. (2009), *1947. God, v kotoryy vse nachalos'* [1947: Where Now Begins], Ad Marginem Press, Moscow, Russia, 232 p.
- Ringel, F. (2016), "Can time be tricked?: A Theoretical introduction", *The Cambridge Journal of Anthropology*, № 34(1), pp. 22–31.
- Savel'eva, I. & A. Poletaev, (2008), *Teoriya istoricheskogo znaniya* [Theory of Historical Knowledge], Aleteya, St. Petersburg, Russia, pp. 388–389.
- Schönpflug, D. (2019), *Vremya komety. 1918: Mir sovershaet proryv* [A world on edge: The end of the Great War and the dawn of a New Age], Ad Marginem Press, Moscow, Russia, 262 p.
- Smirnov, I. (2006), "Hans Ulrich Humbrecht. In 1926: on the cutting edge of time", *Kriticheskaya massa*, № 1.
- Ssorin-Chaikov, N. (2017), *Two Lenins: a brief anthropology of time*, Hau Books, Chicago UP, Chicago, USA, 167 p.
- Wagner, R. (1986), *Symbols that stand for themselves*, Chicago UP, Chicago, USA, 157 p.
- Yushmanova, M. (2019), "Continuous work week: Outcomes of the deformation of the social time rhythm", *Etnograficheskoe obozrenie*, No.3, pp. 8–26.
- Zelenin, I. (2006), *Stalinskaya "revolyutsiya sverhu" posle "velikogo pereloma" 1930–1939. Politika, osushchestvlenie, rezul'taty* [Stalin's "revolution from above" after the "great turning point" of 1930–1939. Politics, implementation, results], Nauka, Moscow, Russia, 313 p.